

НЕСЧАСТЛИВАЯ ПОДКОВА

Знаменитый Ниагарский водопад было видно издали. Над ним пыль стояла столбом. Пыль была водяная, а водопадов было на самом деле три. Быков интересовал тот, который именовался Подковой и отделял американский штат Нью-Йорк от канадской провинции Онтарио.

Поскольку Быков уже бывал здесь на съемках местных красот, он не предвкушал никаких новых впечатлений. Это была рутинная работа, обычный заказ. Канадский журнал «Стар Имидж» нанял его сделать серию снимков Подковы, а если точнее, то пролета над водопадом вертолета с некой Маричкой Вереш. Во время шоу ей предстояло болтаться на канате, поскольку она претендовала на звание «девушки Бонда» в очередном фильме о похождениях бравого агента 007. В прессу уже просочились слухи о том, что главную роль сыграет не мужчина, а женщина, причем темнокожая, что придавало истории особую пикантность. Быков просмотрел несколько фото Марички в интернете, нашел ее довольно симпатичной, но не она побудила его совершить далекий перелет в Америку, и даже не щедрый гонорар, назначенный журналом.

Что-то другое. Но что?

Подъезжая к Ниагаре, Быков не столько любовался красотами природы, сколько спрашивал себя, почему он согласился фотографировать юную звездочку и не напрасно ли принял такое решение? Ведь прежде его работы

публиковались преимущественно в солидных географических изданиях. Помимо этого, в качестве фотографа и оператора он принимал участие в нескольких сенсационных экспедициях, благодаря чему сделал себе имя. Его снимки котировались столь высоко, что он вполне мог ответить патронам Марички вежливым отказом. Почему же тогда он все же принял предложение? Стремление к дешевой сенсации? Меркантильные интересы? Сама девушка?

Ответы на все эти вопросы были отрицательными. Если бы Быков хоть немного верил в мистику, он бы сказал, что в путешествие его затянула интуиция. Однако он при любой возможности отрешивался от любого рода суеверий и оккультных воззрений, так что не находил своему поступку объяснений, и это его угнетало.

Быков остановился в отеле «Тауэр». Поднявшись в номер, он разложил вещи и подошел к панорамному окну, из которого открывался величественный вид на белый ниагарский каскад. Огромные массы воды, низвергающиеся с шестидесятиметровой кручи, производили грозное впечатление. Облако водяного пара вздымалось к небу. Даже находясь за толстым стеклом вдали от водопада, можно было слышать производимый им рев. Быкову почудилось даже, что он ощущает легкую дрожь пола под ногами, хотя это, скорее всего, было вызвано самовнушением. Вспомнилось высказывание Диккенса, который, побывав возле Ниагарского водопада, заявил: «Здесь, и ни в каком другом месте, человек находится ближе всего к Богу».

Вспомнив об этом, Быков подумал, что Чарлз Диккенс был не дурак, так, может быть, стоит пересмотреть свои взгляды на мироздание и допустить существование чего-то чудесного, сверхъестественного? Нет, сказал он себе строго. Не стоит брать пример с писателя гениального, но жившего все-таки в девятнадцатом веке. Ниагару создали ни-

какие не высшие силы, а природа. Течет себе река из одного озера в другое, а поскольку оба расположены на разной высоте, то в определенном месте вода, набравшая разбег, падает со скалы отвесно, в объеме 283 кубических метра в секунду. При чем здесь Бог?

Отойдя от окна, Быков занялся аппаратурой. У него было три любимых фотоаппарата, а к ним большой набор сменных объективов, насадок и фильтров. В данном случае все это изобилие не требовалось. Быкову предстояло сделать лишь десятка три эффектных снимков красоты, которая пролетит на фоне尼亚гары на специальном подвесе. Наверняка она будет пристегнута страховочным тросом, но даже если трос будет замечен, то потом не составит труда избавиться от него при обработке кадра. Тем более что снимать Быков собирался на цифровую камеру, а не на пленку. Хоть трос убирай, хоть вертолет, хоть еще что-нибудь, на выбор.

Приготовившись к завтрашней сессии, Быков отправился прогуляться по городку, наводненному туристами, которые отличались друг от друга лишь тем, что одни уже сделали селфи на фоне знаменитого водопада, а другие еще только готовились к этому. Можно было не сомневаться, что все они, как один, разместят фото в Сети, где довольные физиономии авторов будут занимать места больше, чем местные достопримечательности. В век интернета люди преисполнились уверенности, что они и их будничные дела кому-то интересны и им ставят лайки искренне, а не машинально и не из стремления получить ответные «сердечки» и «большие пальцы». Милое заблуждение, создающее иллюзию собственной значимости...

Одно время Быков создал себе канал на «Ютубе» и открыл страничку в «Инстаграме». Все вокруг твердили ему, что без этого современному человеку, особенно художнику, ну просто никак. Он честно и старательно загружал

в интернет ролики и фотографии, пока однажды не решил проконтролировать, сколько времени торчит у экрана ноутбука или мобильного. Вышло, что два-три часа его жизни ежедневно пожирается виртуальным пауком, раскинувшим свои сети по всему свету. В пересчете на месяцы и годы получалась пугающая цифра. С тех пор интернет стал для Быкова исключительно источником нужной информации, а не средой, где ему предлагалось вариться бесконечно. Свободного времени сразу стало больше, и, надо сказать, ему всегда находилось применение.

Вообще борьба с собственными вредными привычками была бесконечной. Бросил курить, пристрастился к кофе, отказался от сладкого, завис на каком-нибудь дурацком сериале, который и смотреть уже не вмоготу, и удалить жалко. Так и проходила жизнь в постоянной борьбе с собой, но Быкову это даже нравилось. Одерживать победы над собой было не менее интересно и важно, чем над враждебными стихиями и людьми.

Ночью Быков не просыпался и не ворочался, так как не ожидал от завтрашнего мероприятия никаких неожиданностей. Позавтракал он умеренно и почти аскетично. Покидая номер, он окинул взглядом свое отражение в зеркале с явным удовольствием. За минувшие полгода, когда Быков исключил из своего рациона сдобное и сладкое, он сбросил килограмм десять, и это, бесспорно, пошло ему на пользу. Он заставил себя бегать и плавать не реже двух раз в неделю и иногда, совершая героическое усилие над собой, даже посещал спортивный клуб. Он больше не был тем грузным увальнем, в которого превращался во время перерывов между своими похождениями. Усы и вольно растущие кудри тоже остались в прошлом. Нынешний Дмитрий Быков являл собой подтянутого загорелого мужчину лет сорока пяти, который притягивал женские взгляды. Одним словом, Быков изменился и был доволен собой.

На сессию он надел голубые джинсы и джинсовую куртку, потому что, несмотря на так называемое индейское лето (именуемое в наших краях бабьим), было довольно прохладно, а возле водопада, как нетрудно было догадаться, дули ветры и носили водяную пыль.

Быков отпустил такси. Дальше он пошел к Ниагаре пешком с кофром и фотоаппаратом через плечо. Полностью панорама водопадов открылась ему со смотровой площадки, которая располагалась примерно в полукилометре ниже их по течению, где обменивались мнениями возбужденные туристы. Спуск на дно ущелья обеспечивали кабины современных лифтов. У причала стояли прогулочные суда, которые с высоты казались игрушечными корабликами, особенно на фоне огромной, мощной и никак не желающей успокоиться после прыжка реки. Она вся бурлила, кипела и бесновалась, неистовствуя в каменной ловушке.

Быков направился не к кораблю, на который выстроилась очередь, а к присланному для его личного пользования катеру.

— Мистер Быкофф? — спросил улыбчивый мужчина в морской фуражке и дождевике с откиннутым капюшоном. — Я знал, что вы прибудете раньше, поэтому и сам поторопился.

— Хочу осмотреться, — сказал Быков, пожимая протянутую руку, твердо, как кремень.

Они говорили по-английски. Собеседник Быкова, Кен Саймонс, изъяснялся с несколько гнусавым американским акцентом, затрудняющим восприятие.

— Это правильно, — сказал Саймонс. — Я тоже люблю основательно подготовиться, чтобы понимать, что к чему.

— В этом мы похожи, — произнес Быков из вежливости. Нужно же было что-то сказать.

Мимо проплыло суденышко, которое, преодолевая течение, двинулось от пристани с лифтами к водопаду. Люди

на палубе были одеты в дождевики, такие же, как на Саймонсе, только красные, а не желтые. Яркий цвет, несомненно, был избран для того, чтобы свалившегося в воду человека было легче найти. Без дождевика соваться к водопаду было бы безрассудством. Там все было затянуто влажной мглой, в которой проступали и исчезали призрачные радуги.

— В путь? — спросил Саймонс.

— Поплыли, — согласился Быков.

— Тебе следует пристегнуться, Дима. Там качает.

— Я не в первый раз плаваю, Кен. Справлюсь.

Саймонс изобразил одну из тех вежливых улыбок, на которые мастера американцы, скрывающие недовольство.

— Руки у тебя будут заняты камерой... Я правильно понимаю, Дима? Это значит, что ты не сможешь держаться. Если ты свалишься за борт, у меня будут неприятности. Я не хочу никаких неприятностей. Поэтому или ты пристегнешься, или поищешь себе другую лодку. Без обид.

Быков посмотрел в глаза Саймонсу и понял, что не родился еще на земле человек, который в состоянии переспорить этого парня в морской фуражке.

— Где трос? — спросил он.

Саймонс протянул ему карабин:

— Благодарю за понимание, Дима. Надеваешь пояс и защелкиваешь эту металлическую штуку. Все просто.

— Но сам ты не пристегнул! — ревниво заметил Быков.

— Мне не положено по инструкции, — пояснил Саймонс. — Если кто-то упадет в воду, я должен прыгнуть и спасти его.

С этими словами он показал, что носит под дождевиком надувной жилет. Возразить против этого было нечего. Быков кивнул, давая понять, что можно отправляться в путь. Дождевик на нем неприятно шуршал, рукава были длинноваты, так что пришлось их подкатить.

Саймонс завел двигатель. Катер, преодолевая мощное встречное течение, направился к тому месту, где гигантский поток шириной в километр низвергался с высоты двадцатипятиэтажного дома. Чем ближе они подплывали, тем громче становился грохот и тем чаще вспоминал Быков слова Чарлза Диккенса. Действительно, в происходящем чудилось что-то настолько величественное, что невозможно было не думать о божественном происхождении водопада. Легко было понять первобытных людей, одушевлявших явления природы, неподвластные их воле. Увидь древние греки Ниагарский водопад, они бы еще одного замечательного бога придумали, возможно состоящего в родстве с Посейдоном, но все же оригинального и самобытного.

На полпути от пристани до Ниагарской Подковы катер поравнялся с прогулочным судном, которое возвращалось с туристами в мокрых плащах к берегу. Над ними реяли два флага — канадский и американский. Туристы выглядели так, будто только что одержали самое важное в своей жизни сражение, решившее судьбу мира.

Катер раскачивался все сильнее, днище под ногами Быкова стало мокрым и скользким. Общаясь с Саймонсом, приходилось кричать во все горло, чтобы преодолеть грохот воды, падающей с каменного гребня. Они подошли к водопаду почти вплотную, и Быков понял, что нужно позаботиться о том, чтобы предохранять объектив от брызг, которые испортили бы все кадры. Они описали широкую дугу и стали отдаляться от Подковы. Когда качка уменьшилась, Быков соорудил из пластиковой бутылки раструб и надел его на объектив.

— Обзор не закрывает? — любопытствовал Саймонс.

— Нет, — ответил Быков. — Панорамные снимки я сделаю отсюда, а Маричку буду снимать вблизи, чтобы ловить фон.

— Смелая девушка. Пишут, что она будет не просто лететь, а еще какие-то трюки проделывать.

— Сняться в бондиане — большая удача. Приходится соответствовать. Скоро вертолет появится?

— Осталось пятнадцать минут, — ответил Саймонс. — Но всякое может быть. Предлагаю держаться поближе к водопаду, чтобы не прозевать.

— Поплыли, — согласился Быков. — Я готов.

Они правильно сделали, что окунулись в бурные воды раньше назначенного срока. Вертолет возник в небе неожиданно. Шум водопада заглушал рокот моторов. На левом полозе виднелась крошечная человеческая фигурка. Когда она приблизилась, стало видно, что это блондинка в белом бикини. Бедра ее были обтянуты широким ремнем с подвешенными ножнами. Зрители дружно вскинули свои мобильники, торопясь запечатлеть невиданное зрелище. Саймонс предусмотрительно развернул катер боком, давая Быкову возможность расположиться удобнее.

Маричка села на полоз, приветственно помахала рукой и повисла на ногах вниз головой. Ее светлые волосы развевались, как маленькое знамя. Быков поймал ее в видоискатель. Он фотографировал с максимальным приближением, поэтому многое зависело от твердости рук и правильно выбранных моментов относительного покоя.

Быков машинально посетовал, что вертолет белый, под цвет бикини и пенящейся воды. Небо, как назло, затянуло облаками. На их фоне фотографии рисковали выйти бледными и невыразительными. Действуя на свой страх и риск, Быков достал из кофра чешскую «Практику», заряженную широкой черно-белой пленкой. Вот что, по его мнению, могло оживить изображение. В конце концов, Джеймс Бонд был порождением середины прошлого века, так что серия фото в духе ретро подходила идеально.

Пока Быков менял фотоаппарат и прилаживал защитный раструб, вертолет успел пролететь над водопадом и развернуться, неся под собой Маричку Вереш, стоящую уже не на полозе, а на спущенной трапеции. Пилот, явно получивший инструкции, заметил катер и пошел на снижение, чтобы пролететь как можно ближе. Мысленно похвалив его, Быков навел объектив на девушку.

Она была молода, и на ней не было страховочного троса. Оставалось только подивиться ее безумной отваге, когда она вытянулась в струнку, держась за трапецию одной рукой. Ее безупречное загорелое тело отлично контрастировало с белым купальником.

Быков невольно залюбовался ею, в то время как палец автоматически продолжал нажимать на спуск. Он делал двенадцатый или тринадцатый кадр, когда вертолет заложил слишком резкий вираж, решив пролететь перед самым носом катера. Отважную акробатку качнуло и развернуло вокруг оси. Быков присел, уворачиваясь от ее пяток, пронесшихся у самого объектива. Саймонс, ошеломленный внезапным маневром, позволил штурвалу вращаться как попало.

Виляя из стороны в сторону, катер полетел по бурунам дальше. Быкова швырнуло на четвереньки. Камера покатила по палубе, но не она сейчас занимала его мысли.

Оглянувшись, он увидел, что вертолет опасно кренится над бурлящими водами, а девушка отчаянно хватается за трапецию.

— Разворачивай, Кен! — рявкнул Быков. — Скорей.

Пока катер совершал маневр, случилось то, чего следовало опасаться с самого начала, — Маричка сорвалась с перекладины. Удивительно было не то, что она свалилась в воду: было странно, что она умудрилась продержаться так долго.

Пилот выровнял вертолет и стал набирать высоту, не подозревая о том, что потерял свою наездницу.

— Звони спасателям! — зычно крикнул Саймонс.

Быкову было некогда звонить. Как только они оказались приблизительно в той точке, где упала девушка, он, не раздумывая, сорвал с себя дождевик и сиганул за борт.

Вода была обжигающе-холодной. От резкого перепада температуры у Быкова перехватило дыхание и сердце сжалось в комок, отказываясь биться в обычном ритме. В рот и нос заливались все новые и новые порции ледяной воды. Беспорядочные волны швыряли и крутили Быкова как щепку, брошенную в бурный ручей. Инстинкт самосохранения требовал, чтобы он немедленно плыл в сторону лавирующего поблизости катера, но вместо этого Быков искал взглядом девушку.

Не могла же она так быстро пойти ко дну! Судя по трюкам, которые она проделывала, она была сильной и ловкой. Разве что получила травму при падении. Ведь под кипящей водой вполне могли скрываться подводные камни и скалы.

Работая руками, Быков постарался держать голову как можно выше, чтобы увидеть Маричку. Оказалось, что ее успело отнести довольно далеко. Опустившись в воду лицом, Быков поплыл к ней кролем.

Это была непростая задача. Плыть в завивающихся и клубящихся потоках оказалось очень трудно. Гребки получались неровными и неравномерными. Приходилось то и дело поднимать голову, чтобы не потерять направление.

Когда Быков достиг Марички, она захлебывалась.

— Держись! — прохрипел он. — Вот мое плечо! Хватайся, тебе говорят.

Девушка попыталась обвить руки вокруг его шеи, но он не позволил, резко оттолкнул. Ему уже доводилось спасать утопающих, и он знал, как опасны они бывают, когда теря-

ют голову от страха, цепляются за что попало и виснут мертвым грузом, увлекая в пучину.

Маричка исчезла в бурунах. Быков окунулся следом и поймал ее за волосы. Вынырнув, он понял, что обычный способ спасения утопающих здесь не годится. Бурлящая вода не позволяла плыть впереди, увлекая девушку за собой и поддерживая ее голову на поверхности.

— Держись! — повторил он во всю силу голосовых связок. — За шиворот или за плечо! Не за руку, ради бога!

Он обращался к Маричке по-английски, и она наконец поняла, что от нее требуется. На сей раз она вцепилась в мокрую джинсовую куртку, раздувшуюся на Быкове.

— Молодец! — похвалил он. — Не бойся. Сейчас я тебя вытащу.

Сказать было легче, чем сделать.

Поискав взглядом, Быков в гневе увидел, что катер маневрирует в отдалении, вместо того, чтобы приблизиться вплотную. Сначала он не понял, в чем причина, а когда до него дошло, его охватила уже не злость, а отчаяние. Подводное течение уносило его и Маричку не прочь от водопада, а, наоборот, увлекало прямо к чудовищному каскаду. Это был водоворот, куда более сильный, чем Быков и спутница, которая постепенно приходила в себя и даже пыталась работать ногами, чтобы не быть обузой.

Быстрое вращение не позволяло определить, с какой скоростью их несет к водяной стене, но было очевидно, что дело плохо... и становится хуже с каждой секундой.

— Будем нырять! — прокричал Быков в ухо спасенной девушки. — Дай руку.

К ее чести, нужно отметить, что подчинилась она беспрекословно, полностью доверившись своему спасителю. Набрав воздуха, сколько поместилось в легких, они погрузились с головой. Быков потянул Маричку за собой, памятуя, что из водоворота можно выбраться только на глубине,

где он теряет силу. И в самом деле, центробежная сила очень скоро утратила власть над двумя людьми. Когда, задыхаясь, они пробками выскочили на поверхность, Быков с облегчением ощутил, что теперь их несет в противоположном направлении, туда, где безостановочно курсирует катер.

Спустя пару минут Саймонс помог им вскарабкаться на борт.

— Не мог остановиться, — возбужденно пояснял он. — Иначе меня отбросило бы слишком далеко.

Способность разговаривать вернулась к Быкову, но он не стал спрашивать Саймонса, почему тот не последовал за ним в своем спасательном жилете, чтобы не выслушивать жалкие оправдания, которые всегда вызывали у него душевные муки, как будто врать приходилось ему самому. Вместо того чтобы попрекать Саймонса, Быков обратился к Маричке:

— Какого черта ты не пристегнулась?

Несмотря на то, что девушка еще не вполне оправилась после (в буквальном смысле) головокружительного приключения, она моментально собралась и дала отпор:

— Не твое дело!

И это вместо благодарности? Быков насупился и отвернулся. В принципе, это давно следовало сделать. Во время борьбы со стихией Маричка лишилась верхней части купальника, но еще не замечала этого. Ей еще только предстояло осознать все последствия своего безрассудного поступка.

Быков тоже не знал, чем завершится эта история. Широко расставив ноги, он стоял в раскачивающемся катере и смотрел на приближающийся корабль. О незадавшейся фотосессии даже вспоминать не хотелось.